

Василий Аксёнов

Эфир на «Радио Свобода», 1984 год

В эмиграции мысли о положении дел в отечественной литературе не оставляют Аксёнова, своим видением её развития и роли в нём Союза писателей он поделился в выступлении на радио «Свобода» в ноябре 1984 года, где во время пребывания в США вел литературную передачу «Смена столиц». Его размышления и соображения на эту тему остаются весьма актуальными для тех, кого интересует история советской литературы.

Союз подручных

Союз писателей всегда вызывает подозрение у партии, потому что дело-то уж больно несветское — уединенное сочинение всяческого хлама. Бригадный метод что-то не внедряется, а в одиночестве в сочинительской гордыне любого, даже самого верного подручного партии может занести в опасные виражи.

Как-то пришлось мне быть в огромной newsroom большой американской газеты. Все репортеры сидели за своими компьютерами и быстренько катали свои новости — кто о Ближнем Востоке, кто об избирательной кампании, кто о стачке автомобилестроителей, кто о недавнем пожаре... о сексуальных делишках, о модах, о спорте и так далее. Руководство газеты могло в любой момент вызвать на экран своего центрального компьютера текст каждого репортера и проверить, как идет производство новостей. «Вот идеальная схема для Союза писателей СССР! — подумал я. — Все писатели работают на соединенных в одну цепь компьютерах, бумагой и перьями пользоваться запрещено. В центре цековский дядька Альберт Беляев. Он может в любой момент нажатием на соответствующие клавиши проследить творческий процесс хоть деревенщиков, хоть производственников, хоть приключенцев, хоть любезных его сердцу маринистов. Хоть Ивана Стаднюка, хоть Василия Белова, хоть Егора Исаева, хоть Булата Окуджаву...

Увы, такая организация литературного труда и сейчас еще остается лишь мечтой, а в начале 60-х годов она казалась просто мечтой несбыточной. К 1963 году Союз писателей, особенно его московское отделение, оказался под большим и вроде бы даже почти заслуженным подозрением со стороны партии. В обшитых дубом кабинетах бывшего особняка Олсуфьевых распространилось вольнодумство. Из ресторанной кухни пополз ревизионистский душок: зажаривали иноземные деволы, а отечественная баланда соцреализма пошла на выброс. Под влиянием нового поколения писателей пошли какие-то сомнительные балы

с буги-вуги и дерзновенные разговорчики об идеологическом сосуществовании. Самые верные из верных подручных сигнализировали на верха: вот так, мол, и в Венгрии начиналось, вот именно в писательском клубе Петефи зародилась зловредная крамола, окончившаяся на баррикадах.

Нечего и говорить о том, каким немыслимым абсурдом несло от этих сигналов, насколько преувеличивалась литературная опасность. Какие там к черту баррикады? Крамола московского отделения не шла дальше изгнания сталинских старых стукачей Эльсберга и Лесючевского. Эльсберга вроде бы изгнали, до Лесючевского руки не дошли — начались ответные мероприятия партии.

Смешно сказать, в те времена даже старый боевой конь соцреализма Алексей Сурков оказался под подозрением и во временной (весьма, впрочем, кратковременной) опале. Первый секретарь московского Союза Степан Щипачев и чуть ли не целиком партком столичных писателей удостоились высочайшего громыхания и кулачной «но пасаран!» жестикуляции.

Идеологическая кампания зимы 1963 года имела своей целью не только запугивание творческой молодежи, но и удар по московскому СП. Ходили даже разговоры о его возможном роспуске. Кончилось все-таки полумерами. На некоторое время была распущена партийная организация, а писатели члены партии были прикреплены к источникам классового самосознания, то есть к производственным предприятиям столицы и Подмосковья. Вместо выбранного секретаря парторганизации появился секретарь, назначенный горкомом. Им стал, кажется, Виктор Тельпугов, сохранивший и на этом посту странную особенность мучительно краснеть.

Прекрасно помню тот зимний день, когда, вернувшись с процесса Синявского и Даниэля, мы с Владимовым составили проект первого письма. Поначалу целились почему-то в адрес Луи Арагона, видя в нем, очевидно, самого некоммунистического коммуниста всех времен и народов. Потом изменили адрес с бульвара Сен-Жермен на «Москва, Кремль» — все же ближе по делу. Потом к нам присоединился Гладилин, мы удалились в пустой кабинет главного редактора «Юности» и там шлифовали записку.

Сбор подписей проходил во время писательского собрания, на котором Михалков впервые артикулировал заветную формулу: «Слава Богу, — вообразите, именно так это и было сказано! — есть еще у нас органы госбезопасности!» Именно на этом фоне тогда 27 писателей подписали первое письмо протеста против политического процесса. Иные из них сейчас в больших чинах, небось, потом покрываются, когда вспоминают тот день.

Станным образом протесты против суда над Синявским и Даниэлем прошли едва ли не безнаказанно. До сих пор не понимаю, как это получилось.

Однако вторая подобная и более широкая кампания, связанная с процессом Гинзбурга и Галанскова, уже вызвала основательные карательные акции. Писа-

телей-подписантов наказали длительным непечатаением, невыпуском за границу, членов партии иных из оной исключили, а для нечленов введено было новое порицание, казавшееся поначалу смехотворным — выговоры по Союзу писателей СССР. То есть по всем статьям, как на какой-нибудь трикотажной фабрике: предупреждение без занесения в личное дело, предупреждение с занесением в личное дело, выговор, строгий выговор, строгий выговор с предупреждением. Я вот как раз тогда получил на полную катушку, да еще и формулу о политической незрелости в придачу. Поразительное все-таки по вздору и смехотворности царит на нашей земле мелкобесие.

К концу 60-х годов закрутка в Союзе пошла все круче, однако все круче становилось и неприятие этой закрутки, как говорится, в некоторых писательских кругах. Одно время (увы, недолгое) в этих кругах даже обсуждался коллективный выход из официального Союза, организация независимой писательской группы и вступление в международный ПЕН-клуб. Пороху тогда все-таки на такое сногшибательное дело не хватило.

Следует также напомнить, что среди членов Союза в те времена еще ходил небезызвестный прозаик Солженицын. Его письмо в адрес IV съезда писателей вызвало переполох в президиуме Кремлевского Дворца съездов. Возвращаясь к началу этой передачи, можно сказать, конечно, что переполох — слишком сильное слово для такого президиума, однако некоторое движение лицевых мышц все же наблюдалось. Во всяком случае, лица были относительно различимы. В кулуарах же съезда, который товарищами Беляевыми был задуман как съезд так называемой консолидации, возникло брожение сродни брожениям Государственной Думы. Забыты были даже буфет и книжный киоск с дефицитом, писатели обсуждали злодеяния цензуры, снова сочинялись письма, иные смутьяны требовали даже слова с высокой трибуны.

Консолидация все-таки товарищам Беляевым удалась. Союз в начале 70-х был уже не тот, конфронтация «Нового мира» и «Октября» отошла в историю, писатели затихали, все больше стало появляться в творческом клубе быстрогоглазых молодчиков в казенных блейзерах и с обязательными обручальными колечками на тренированных лапах. Все-таки человек 400 собралось на похороны злодейски убитого Кости Богатырева на Переделкинском кладбище. Старуха Шагинян, проезжавшая в это время мимо на такси, позже устроила в секретариате истерику, крича, что это были не похороны, а политическая демонстрация, что она требует принятия должных мер, что в мире нет простого гуманизма, а есть только ленинский гуманизм.

В затихшем московском отделении все-таки еще долгое время поддерживалось то, что можно было бы условно назвать профессиональной порядочностью. В составе Союза ведь немало было настоящих профессионалов и даже талантливых людей, которые уж что-что, но могли отличить графоманию от литературы.

С молчаливой солидарностью писатели как-то старались поддерживать друг друга и отпихиваться от наступающих графоманов.

Я был в течение нескольких лет членом приемной комиссии Московской писательской организации и могу смело сказать, что в ней преобладал дух довольно трезвого профессионального суждения. В те времена многие идеологические бонзы вознамерились вступить в Союз писателей, добавить к своим многочисленным титулам еще и членство в Союзе писателей. Комиссия, состоявшая в основном из действительных профессионалов, нередко этих рвачей одергивала, а иной раз и высмеивала: куда, мол, вы, достопочтенные, с суконным рылом в калашный ряд.

Как-то я по неведению удивился, почему не принимают в Союз некоего автора чуть ли не двух десятков книг. Один из членов комиссии, сморщившись от безразличности, сказал: «Неужели ты думаешь, что можно принять в профессиональный союз литераторов автора строчек «Шагал по Франции Шагал по трупам реалистов?»»

Последним всплеском жизни в Московском Союзе было дело альманаха «Метрополь». Разгромив и обгадив группу «Метрополя», графоманы окончательно установили уже желанную свою консолидацию, или лучше сказать — энтропию. Уже и деревенщики нынче под сомнением, одни только остались мелко пульсирующие в рукоплесканиях графоманские ладошки.

Цитирую из «Аристофанианы с лягушками»:

Графоман фильтрует воду,
Получается моча.
Любит графоман природу,
Даже каждого грача.

Хорошо тому живется,
Кто в коровнике живет,
Молочишко попивает,
Стенгазету выпускает,
Песню звонкую поет.

Ради пищи аппетитной
Графоманом надо стать,
Ежедневно графоманить
И на сильных не роптать.

Подготовка текста — Андрея Кулика.

Вступление — Виктора Есипова.